

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 1034–1042, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.3

Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора

Галия Рустямовна Алчинова¹, Гульнур Равиловна Хусаинова²,
 Гульназ Нурфаезовна Ягафарова³

¹ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 аспирант
 ORCID: 0000-0002-1715-4706. E-mail: mgaliyar20@rambler.ru

² Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом фольклористики
 ORCID: 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

³ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Суеверные приметы — довольно распространенный, активно бытующий и в наши дни микрожанр в структуре башкирского фольклора, значительно представленный в количественном и семантическом планах. *Цель* настоящей статьи — охарактеризовать суеверные приметы как отдельный микрожанр башкирского народного творчества, установить их основные классификационные признаки, показать тематическое разнообразие суеверий. *Материалы и методы.* В работе дан жанрово-структурный анализ около 800 башкирских суеверных примет, выявленных в процессе исследования из разнообразных источников — многотомников по башкирскому фольклору, опубликованных экспедиционных и собственных полевых материалов. *Методы:* комплексный метод, включающий: сравнительно-исторический, культурологический, традиционный экспедиционно-полевой методы, жанрово-структурный анализ. *Результаты.* На основе изучения существующих определений суеверных примет выбрана наиболее соответствующая жанру дефиниция, объясняются причины возникновения суеверий, выделяются основные признаки фольклорного микрожанра, отличающие его от других малых фольклорных жанров. Функции, тематика суеверных примет также подтверждают обособленность микрожанра. *Выводы.* На основе изучения жанровых характеристик авторы приходят к выводу о том, что суеверные приметы составляют отдельный микрожанр в структуре башкирского фольклора наряду с пословицами, поговорками, загадками. Появление части суеверных примет обусловлено мифологическим мышлением человека, стремлением связать неизведанное с таинственными силами природы. Другая часть основана на наблюдениях народа, на установлении обобщенных причинно-следственных связей в явлении

ниях окружающей действительности. Основными функциями суеверий являются дидактические, воспитательные, так как они обеспечивают соблюдение морально-нравственных устоев общества. Прогностические функции бытовых суеверий сводятся к предостережениям, метеорологических — к предупреждениям информативного характера об изменениях в состоянии погоды. Среди суеверных примет наибольшее количество составляют суеверия антропологической направленности, которые регламентируют поведение человека в быту каждый день.

Ключевые слова: фольклор, башкирский, малый жанр фольклора, микрожанр, суеверные приметы, суеверие, антропологический, художественная литература

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование башкирских суеверных примет антропологической направленности» при поддержке грантовой программы для молодых ученых Республики Башкортостан 2019 г.

Для цитирования: Алчинова Г. Р., Хусаинова Г. Р., Ягафарова Г. Н. Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора. *Oriental Studies*. 2019; (5): 1034–1042. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042.

UDC 398.3

Superstitious Signs as a Micro-Genre of Bashkir Folklore

Galiya R. Alchinova¹, Gulnur R. Khusainova², Gulnaz N. Yagafarova³

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0002-1715-4706. E-mail: mgaliyar20@rambler.ru.

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate, Head of Folklore Department
ORCID: 0000-0002-0290-1844. E-mail: bashfolk@yandex.ru

³ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

Abstract. Introduction. Superstitious signs are a stable and very common micro-genre in the structure of Bashkir folklore, significantly represented both quantitatively and semantically. **Goals.** The paper seeks to characterize superstitious signs as a separate micro-genre in the system of Bashkir folk art genres, identify their main classification features, and show the thematic diversity of superstitions. **Materials and Methods.** The work provides a genre-structural analysis of about 800 Bashkir superstitious signs traced in various sources, including multivolume books on Bashkir folklore, published expeditionary folklore materials, and the authors' field data. **Results.** The study of existing definitions of superstitious omens results in a most appropriate definition for the genre, clarifies the reasons for the emergence of superstitions, delineates some key features of the folklore micro-genre that distinguish it from other minor folklore genres. Superstitious signs are classified thematically, with due regard of their reflection in the spiritual culture of the Bashkir people. **Conclusions.** The study of genre characteristics results in the conclusion that superstitious signs constitute a separate micro-genre in the structure of Bashkir folklore. The emergence of some superstitious signs is caused by the mythological thinking of man, a desire to connect the unknown with mysterious forces of nature. Others are based on observations of the people, on the determination of generalized cause-and-effect links between phenomena of surrounding reality. The main functions of superstitions are didactic, educational ones, since they ensure the observance of moral principles of society. The prognostic functions of household superstitions are reduced to warnings, meteorological ones – to

informative warnings about changes in weather conditions. The superstitious signs are dominated by anthropological ones that regulate human behavior in everyday life.

Keywords: folklore, Bashkir, minor genre of folklore, micro-genre, superstitious signs, superstition, anthropological, fiction

Acknowledgements: The reported study was funded by Grant Program for Young Scientists of Republic of Bashkortostan (2019), project name ‘Research on Bashkir Superstitious Signs of Anthropological Orientation’.

For citation: Alchinova G. R., Khusainova G. R., Yagafarova G. N. Superstitious Signs as a Micro-Genre of Bashkir Folklore. *Oriental Studies*. 2019; (5): 1034–1042. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042.

Введение

Суеверные приметы — явление фольклора, активно используемое в повседневной жизни народа в статусе неписанных правил. Фонд применяемых у башкир примет обширен, он отличается устойчивостью бытования, передается от поколения к поколению и, как любое другое явление фольклора, нуждается в фиксации и сохранении для будущих поколений. В башкирской фольклористике данный пласт верований, отражающих мировоззрение народа и являющихся составной частью его духовной культуры, специально не собирался и не становился объектом монографического исследования. Необходимость подробного анализа суеверий вызвана необычайной популярностью исследуемого материала, неизученностью ряда важнейших проблем их развития на современном этапе, проблемой определения их жанровой принадлежности. В данной статье предпринимается попытка обосновать статус суеверных примет как самостоятельного микрожанра башкирского фольклора, определить их место в башкирском устно-поэтическом творчестве, выявить отличие от других смежных видов и показать их тематическое богатство.

Материалы и методы

Источниковедческую базу исследования составляют опубликованные в томах научного свода «Башкирское народное творчество» [Башкирское народное 1980; Башкирское народное 1995], словарях [Хадыева 2002; Хисамитдинова 2010], в сборниках материалов экспедиций (2005–2018),

в башкирской художественной литературе, а также собранные авторами в 2017–2019 гг. суеверия, распространённые у башкир. Всего выявлено и проанализировано около 800 суеверных примет.

Методологическую основу исследования составляет комплексный метод, включающий: сравнительно-исторический, культурологический, традиционный экспедиционно-полевой методы, жанрово-структурный анализ.

Основная часть

Суеверные приметы в структуре башкирского фольклора

В истории науки суеверия рассматриваются с различных точек зрения: в этнографической литературе как выражение своеобразного мировидения народа, в философии — как форма отражения бытия, в лингвистике — как отражение этноменталитета в языке. Все это свидетельствует о том, что изучение суеверий невозможно осуществить в рамках одной дисциплины. В них переплетаются и семантические нюансы, и этнографические понятия, и мировоззренческие позиции, и педагогические постулаты. Именно на их основе ярко проявляется синкретизм фольклора, объединяющего обычаи, традиции, мировоззрение, менталитет, этнопедагогику народа-носителя.

По данным фольклористики и этнографии, знаковых систем, необходимых для становления и первоначальной жизни общества, шестнадцать: народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, музыка, изобразительные искусства, орнамент, народная архи-

текстура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, обряды, игры, язык. Ни одно самое примитивное общество не может обойтись без этого комплекса знаковых систем [Рождественский 1990: 64].

В этом перечне народные приметы названы одними из первых, они выражают народное видение окружающего пространства, формируют комплекс сведений о мире. Рассмотрим основные характеристики суеверной приметы, ее отличие от других жанров фольклора.

В научных работах понятие «суеверие» трактуется достаточно широко. Зачастую его определение напрямую зависит от предубеждений самого исследователя, от его идеологической и нравственной настроенности. Необходимо учесть и то, что суеверные приметы продолжительное время игнорировались или отрицались в условиях атеистической советской реальности.

Для понимания сущности изучаемого явления приведем несколько определений. Суеверие, по В. И. Даля, — это «ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо, вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадание, приметы, знамения; вера в причину и следствие, где никакой связи нет. Все таинственное, непонятное в природе многими зовется суевериями» [Даль 1996: 12].

«Философский словарь» трактует суеверие как «убеждение в том, что некоторые видимые явления представляют собой знаки или результат воздействия невидимых сверхъестественных сил, служащих предзнаменованием будущего. В гносеологическом плане суеверие — предрассудок, лишенный разумного основания, совокупность стереотипизированных взглядов на человека, историю и общественную жизнь» [Философский словарь 2001: 548].

На основе рассмотрения определения термина «суеверие» у разных ученых, Е. Е. Флигинских приходит к выводу, что суеверия — это паремии, отличающиеся рядом черт: 1) это вербализованные единицы, имеющие форму предложений; 2) основная функция, которую они выполняют, — прогностическая; 3) они появились много лет назад и несут в себе опыт поколений; 4) суеверия содержат не обо-

снованную разумными доводами веру во что-либо необъяснимое с точки зрения логики [Флигинских 2014: 156]. Здесь обращает на себя внимание то, что 3-е суждение противоречит 4-му, так как от поколения к поколению не может быть передан необоснованный опыт, что подтверждается и цитатой В. И. Даля: «Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер без всякого смысла и толка» [Даль 1996: 12]. Отсюда следует, что суеверие не возникло на пустом месте, его появление всегда оправдано чем-либо. Поэтому более приемлемым представляется определение, данное В. К. Харченко и Е. Е. Тонковой: «Народные приметы — это проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Харченко, Тонкова 2008: 5].

Известно, что есть суеверные приметы, выведенные из действительных наблюдений, и есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифические представления. В башкирском народном творчестве распространены суеверия, базирующиеся на мифологическом мышлении (об этом довольно подробно информация представлена в [Мухамедьянова 2014]); большинство из них связано с мифическими образами, особенно с демононами (*шайтан* ‘черт’, *убыр* ‘ведьма’, *шүрәле* ‘леший’, *әжәл* ‘смерть’, *ен-пәрәй* ‘черти, джинны’ и др.¹), которые чаще применяются в приметах-запретах: *напитки белого цвета (молоко, катык) не разрешается оставлять открытыми — шайтан искупается; сидя за столом, нельзя болтать ногами — шайтан сядет на них; нельзя говорить «уф» — шайтан родится.*

Другая часть суеверных примет возникает в результате наблюдений за окружающим миром. Чаще такие приметы относятся к метеорологическим: *если луна в ореоле — быть бурану; если много щавеля, предстоящая зима будет теплой; стрекозы оживляются — дождь будет; если собака в снегу валяется — к ясной погоде и др.*

¹ Здесь и далее перевод на рус. яз. авторов.

Общеизвестно, что каждый фольклорный жанр — синкретичное явление. По мнению Н. И. Кравцова, следует принять определенное понимание жанра как исторически сложившейся относительно устойчивой содержательной художественной формы, и в целом, и в ее частях выполняющей сложные функции — познавательные, идейно-воспитательные и эстетические, причем в различных жанрах может преобладать одна из этих функций при их единстве и взаимозависимости [Кравцов 1973: 82].

Как пишет А. М. Сулейманов, при определении жанра исследователи в первую очередь обращают внимание на внешнюю, формальную сторону произведения [Сулейманов 2011: 6]. Общепризнанными являются следующие признаки фольклорного жанра:

- 1) характеристика по объему (большой или малый);
- 2) традиционность;
- 3) синкретизм;
- 4) вариативность;
- 5) критерии, показывающие специфику жанра.

По первому признаку суеверные приметы, конечно же, относятся к малым жанрам народного устно-поэтического творчества. Их отличительной особенностью является то, что они имеют в своем составе одно-два речевых высказывания, но представляют собой цельный смысловой текст, хотя «по сравнению с другими жанрами фольклора в приметах художественность менее значительна» [Китиков 1977: 37].

Традиционность проявляется в частой повторяемости, в легкой воспроизводимости суеверных примет в различных ситуациях общения: суеверные приметы проявляют устойчивость во времени. Множество суеверий образуют узнаваемый фонд единиц устной народной прозы: *нельзя спать во время захода солнца, иначе заболеешь; нельзя вечером подметать полы, иначе дом покинет благополучие, в нем не будут держаться деньги; у кого затылок с ямкой, тот лентяй, у кого губы тонки, тот злой; если сидеть, опершись подбородком на руку, останешься сиротой*. Такие суеверия известны всем и не требуют разъяснений.

Синкретизм присущ суеверным приметам по определению, так как они характери-

зуют нерасчлененность мировоззрения, что было свойственно неразвитому состоянию фольклорного явления. С. А. Галин говорит о произведениях фольклора, основанных на мифологии, древних верованиях, заговорах, именно в этом ключе [Галин 1975: 106].

Вариативность — в основном ареальная — суеверных примет проявляется в их бытовании в нескольких разновидностях в связи с определенной местностью и обычаями, принятыми здесь. Например: *если сядешь на два стула, замуж не выйдешь; нельзя наступать на порог, иначе замуж не выйдешь; девушке нельзя садиться в углу стола, иначе замуж не выйдет*. Таким образом, поскольку основные признаки, присущие фольклорному жанру, в суевериях присутствуют, можно, на наш взгляд, говорить о них как об отдельном малом жанре устного народного творчества.

Теперь рассмотрим сходные и отличительные черты суеверий с остальными малыми фольклорными формами.

Приметы, как и пословицы, являются результатом наблюдений народа, но они выражаются в более простых формах, чем пословицы. Они тоже возникли на основе древних верований, суеверий, предрассудков: *собака воет — к беде; убьешь ужа — будет несчастье в доме; тот, кто боится щекотки, ревнивым бывает; тот, у кого большой палец ноги длинный, жене голова; тот, у кого второй палец ноги длинный, жене своей подчинен; тот, у кого брови срослись, от родных мест далеко не уйдет; если брови далеко друг от друга, далеко от родных уйдет; кто у жилья березу посадит, тот печален бывает*. В структурно-поэтическом плане приметы схожи с пословицами.

Оба жанра отражают особенности образного мышления и поэтического склада народа. В приметах «есть поучительный смысл, но в отличие от пословиц поучительность народных примет носит не наставительно-дидактический, а научный, наблюдательно-назидательный характер. Поэтому образность примет создается не в переносном применении понятий, а всегда в прямом истолковании, которое путем простого сравнения дает определенный „вывод“ или нечто такое, что полезно помнить», — утверждается при изучении примет коми [Коми народные 1993: 15]. Одна-

ко их смысл, предназначение сугубо специфичны, поэтому они, на наш взгляд, примыкают к суеверным приметам.

В фольклоре народов широко распространены запреты как «древнейший свод правил, норм жизнедеятельности общества» [Гайсина 2013: 3]. В работе Ф. Ф. Гайсиной изучаются запреты в традиционной культуре башкир, приравниваясь к табу, как отдельный малый жанр фольклора, представляющий собой «вербальный микро-текст» [Гайсина 2013: 3], «первые правила, законы», «форму готовых правил поведения, наставлений, советов», «форму ограничения прав и желаний, предупреждение и назидание во имя гармоничной жизнедеятельности» [Гайсина 2013: 12]. Безусловно, выделяемые в качестве отдельного фольклорного жанра запреты по своей семантике, функциям, выполняемой роли в обрядовом фольклоре практически совпадают с суеверными приметами. Например, запреты *нельзя дуть на огонь — жизнь укоротится, во время охоты нельзя произносить имена зверей* — суть суеверные представления. Отличие между ними заключается в формулировке словесных выражений: запреты неизменно категорично указывают на невозможность выполнения того или иного действия и содержат в себе наречие *нельзя*, отрицание с *не*, например, *печь нельзя оставлять пустой — еды не будет; во время отъезда из отчего дома невеста не должна оглядываться назад, иначе обратно вернется*.

На наш взгляд, запреты и суеверия соотносятся как часть и целое, т. е. все запреты являются суевериями, но не все суеверия можно назвать запретами. К примеру, *чешется правая рука — к встрече (здороваться) с кем-нибудь, чешется левая — к деньгам* — в подобной речевой формуле нет запрета вовсе, есть лишь предупреждение, предвосхищение последствий действия. Переименованные суеверия пополняют ряд запретов: *если у кого-то берешь тарелку, не возвращай пустой, положишь что-либо — к тебе больше вернется* — данное суеверие можно встретить в усеченной форме в качестве запрета: *одолжив посуду, нельзя ее возвращать пустой*.

Как видим, в суевериях очень ярко проявляются причинно-следственные связи, отражающие формулу: *если сделать так-*

то, то будет то-то и то. Запреты же схематично можно представить так: *нельзя сделать то-то (иначе произойдет то-то)*, где вторая часть выражения факультативна.

«Поверья <...> могут также выявлять некоторое сходство со сказками и легендами, когда повествуют о невиданных чудесах, о мифических существах; поверья смыкаются с играми, когда в определенные дни года или при конкретных ситуациях люди загадывали на свою судьбу или на урожай будущего лета; поверья вплетались в драматургию семейных и календарных обрядов», — пишет С. В. Туганова, исследуя специфику русских и английских суеверных примет [Туганова 2006: 118]. Помимо этого, по персонажам, иногда по содержанию, они перекликаются и с быличками. Однако, как и сказки, легенды, риваяты и другие жанры устной прозы, былички не относятся к малым жанрам фольклора. Поэтому суеверные приметы должны рассматриваться в ряду микрожанров как самостоятельное явление устного народного творчества.

Исходя из вышесказанного, специфику микрожанра суеверий можно свести к следующему. Свод суеверных примет составляют разновидности, обозначенные в исследовании С. В. Тугановой как «приметы-наблюдения», «приметы-знамения», «приметы-правила», «приметы-запреты» [Туганова 2006: 22], выполняющие определенные функции: предупреждающую, прогностическую, дидактическую функции. Особенностью жанра также является то, что суеверия содержат пошаговые инструкции по достижению положительного (желаемого) или отрицательного (нежелаемого) результата. Все суеверные приметы «обладают структурной оформленностью, клишированностью, частичным наличием рифмы и образности, а также соответствуют текстовым требованиям» [Туганова 2006: 22]. Как нам представляется, в соответствии с этими критериями наличие в башкирском фольклоре жанровой прослойки суеверных примет должно считаться бесспорным.

Тематическое разнообразие башкирских суеверных примет

Фольклорные произведения классифицируются по разным критериям.

Традиционными являются классификации по содержанию этничности (выражен этнический колорит или нет, интернацио-

нальные сюжеты, заимствованные сюжеты, исконные сюжеты). В структуре суеверных примет башкир также обнаруживаются подобные оппозиции: исконные (*если девушка посмотрит через сито, муж у нее будет веснушчатым*) и заимствованные (*чтобы сдать успешно экзамены, нужно постоянно приходить на экзамены в одной и той же одежде*).

В. И. Даль дает первую функциональную «классификацию» поверий из шести групп [Даль 1996: 10–13], согласно которой поверья, относящиеся к 1-й группе, представляют собой остаток или памятник язычества; 2-я группа придумана в воспитательных целях, «чтобы заставить малого и глупого окольным путем делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее» [Даль 1996: 10]; 3-я группа основана на житейском опыте, к ним относятся замечания о погоде, об урожае; 4-я опирается на естественные явления, но «обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям»; 5-я — преображенная народная поэзия, иносказания, превратившиеся в суеверия; в 6-ю группу ученый относит те поверья, которые ныне никак не могут быть объяснены логически.

Башкирский исследователь С. А. Галин в своем словаре [Галин 1993: 202] предлагает следующую тематическую классификацию суеверных примет:

- 1) суеверия, связанные с различными мифическими персонажами, природными силами, сезонами (*комета приносит беду; в год свиньи хлеб уродится и др.*);
- 2) суеверия, связанные с птицами, растениями, деревьями (*если куры рано садятся на насест, на рассвете будет дождь; если гудит пчелиный улей, жди дождя и др.*);
- 3) суеверия, связанные с человеком, его поведением, внешностью (*волосатый человек — везучий человек; у кого уши большие, тот лентяй и др.*);
- 4) суеверия, связанные с заговорами (*от глаза лоб младенцам мажут сажей; если выйдет бородавка, нужно показать ее месяцу и др.*);
- 5) толкования снов (*если во сне плачешь, наяву будешь радоваться; увидеть белое во сне — к радости, черное — к печали и др.*).

В башкирском фольклоре суеверия принято называть *ырым*. Р. Н. Хадыева, изучая суеверия в этнолингвистическом плане, подразделяет их на такие подвиды, как *ырым*, *һынамыш* ‘примета’, *тыйыу* ‘запрет’ и *ышаныу* ‘верование’, а также *йола* ‘обряд’, *имләу* ‘заговор’, *дауа* ‘лечение’, *һаклануу* ‘защита’² [Хадыева 2002: 6]. К *тыйыу* она относит структуры, содержащие в себе слово *ярамай* ‘нельзя’: *иләк аша карарға ярамай, кейәүең йәки кәләшең шазра була* ‘нельзя смотреть через сито, жених или невеста будет рябым/рябой’.

Остальные подвиды представлены конструкциями с глаголом в условном наклонении, например, *ырым: изәнгә иләк төшһә, шазра кеше килә* ‘если на пол упадет сито, придет рябой человек’; *һынамыш: канатлы кырмыска оша, ямғыр яуыр* ‘если летают крылатые муравьи, будет дождь’; *һаклануу* представляет собой предложение с указанием средств защиты от плохого влияния кого или чего-либо, например: *кара бесәй юлды кыйһа, ул тапкырзан төймәне тотоп сығырға кәрәк* ‘если дорогу перебежит черная кошка, то место надо пройти, придерживаясь за пуговицу’. Здесь суеверные приметы подразделяются по функции: первые запрещают, вторые предвещают, третьи прогнозируют, четвертые предостерегают. Собственно, *ырым* является объединяющим все эти функции.

С XIX в. остается устойчивой традиция противопоставления погодных и бытовых примет [Харченко, Тонкова 2008: 35]. Если первые помогают этносу ориентироваться в быту, предугадывая погодные условия, то вторые помогают устанавливать различные отношения внутри социальной группы, где он живет. Ко второй группе относятся антропологические суеверные приметы, которые в нашем материале оказались самыми значительными по объему и, следовательно, по значению в жизни человека.

Результаты

По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы.

1. Суеверные приметы — это один из малых жанров башкирского фольклора. Наряду с пословицами, поговорками, загадками, они формируют самостоятельный микрожанр устного народного творчества башкир, кото-

² Перевод на рус. яз. авторов.

рый выражает отношение народа к окружающему миру.

2. Истоки суеверных примет берут свое начало в мифологическом мышлении народа, для которого характерны анимизм, тотемизм, синкретизм, и основываются на объективной реальности.
3. Суеверные приметы — наилучшее средство воздействия этнопедагогики, так как содержат в себе информацию о различного рода запретах конкретного народа, о его этике и нравственной культуре.
4. Наиболее развитой группой являются суеверные приметы, связанные с отдельными частями тела человека, что обусловлено антропоцентричностью мышления человека.
5. Суеверные приметы характеризуются своеобразной поэтикой, художественными особенностями, позволяющими рассматривать их как самостоятельный фольклорный микрожанр.

Литература

- Башкирское народное 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. Уфа, Башкирское кн. изд-во, 1980. 472 с. (на башк. яз.)
- Башкирское народное 1995 — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост., автор вступит. ст. и коммент. А. М. Сулейманов и Р. А. Султангареева. Т. 1. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (на башк. яз.)
- Гайсина 2013 — *Гайсина Ф. Ф.* Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 28 с.
- Галин 1993 — *Галин С. А.* Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. Уфа: Китап, 1993. 224 с. (на башк. яз.)
- Галин 1975 — *Галин С. А.* Башкирский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов, педучилищ и учителей средних школ. Пермь: [б. и.], 1975. 236 с. (на башк. яз.)
- Даль 1996 — *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. СПб.: Литера, 1996. 477 с.
- Китиков 1977 — *Китиков А. Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1977. 224 с.

Заключение

Таким образом, суеверные приметы — до конца не изученный микрожанр устного народного творчества со своей уникальной эстетикой, многофункциональностью. Система взглядов башкир, основанных на суевериях, — это абстрактно-теоретические взгляды и образно-чувственные восприятия народа, результат развития его духовной культуры, определяющей эволюцию человеческого мышления и психики. Суеверные приметы возникли на основе древних мифологических представлений и как следствие наблюдений народа. Популярность их в том, что в них с высоким дидактическим мастерством отражены вечные темы жизни и воспитания. Этим обеспечивается их стойкая сохраняемость во времени, возможность передавать из поколения в поколение, несмотря на то, что в большинстве своем они являются образцами устной прозы.

- Коми народные 1993 — Коми народные приметы / сост. В. М. Кудряшова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 192 с.
- Кравцов 1973 — *Кравцов Н. И.* Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 211–223.
- Мухамедьянова 2014 — *Мухамедьянова А. М.* К вопросу о мифологических основах башкирского фольклора (на примере суеверных примет, эпоса и легенд) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 142–145.
- Рождественский 1990 — *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.
- Сулейманов 2011 — *Сулейманов А. М.* Повествовательный фольклор башкирского народа: Учебное пособие для студентов-филологов, преподавателей литературы и культуры. Ч. I. Уфа: Изд-во БГПУ «Вагант», 2011. 196 с. (на башк. яз.)
- Туганова 2006 — *Туганова С. В.* Синтагматика и парадигма русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 181 с.
- Философский словарь 2001 — Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

- Флигинских 2014 — Флигинских Е. Е. К вопросу об определении термина «Суеверие» [электронный ресурс] // Вестник Чувашского государственного университета. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termi-na-sueverie> (дата обращения: 22.01.2019).
- Хадыева 2002 — Хадыева Р. Н. Этнолингвистический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 176 с. (на башк. яз.)
- Харченко, Тонкова 2008 — Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.
- Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 455 с.
- Gaisina F. F. [Taboos as a Folklore Genre of the Bashkir Traditional Culture]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2013. 28 p. (In Russ.)
- Galin S. A. [*The Spring of Folk Wisdom: an Explanatory Dictionary of Bashkir Folklore*]. Ufa: Kitap, 1993. 224 p. (In Bash.)
- Galin S. A. [Bashkir Folklore: a Textbook for University and College Students, School Teachers]. Perm, 1975. 236 p. (In Bash.)
- Khadyeva R. N. [Ethnolinguistic Dictionary of the Bashkir Language]. Ufa: Kitap, 2002. 176 p. (In Bash.)
- Kharchenko V. K., Tonkova E. E. [Linguistics of Folk Signs]. Belgorod: Belgorodskaya Oblastnaya Tipografiya, 2008. 224 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka, 2010. 455 p. (In Russ.)
- Kitikov A. E. [Mari Folk Signs]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)
- Kravtsov N. I. The fairy tale as a folklore genre. In: [Specifics of Folklore Genres]. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 211–223. (In Russ.)
- Mukhamedyanova A. The mythological bases of the Bashkir folklore (the case study of the superstitious omens, the epos and legends). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 142–145. (In Russ.)
- Rozhdestvensky Yu. V. [Lectures on General linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 381 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. M. [Narrative Folklore of the Bashkir People]. Part I. Ufa: Vagant, 2011. 196 p. (In Bash.)
- Tuganova S. V. [Syntagmatics and Paradigm of Russian and English Anthropological Superstitious Signs]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2006. 181 p. (In Russ.)

